

РАССКАЗЫВАЮТ, что как-то в одной ЖКК, или ЖКУ, или ЖРЭУ, или как их там называют, — словом, в одной из тех Ж, где проводят очередные эксперименты по надругательству над человеческим достоинством, стояли в этой самой экспериментальной очереди два философа и делали, что обычно философы и делают, — разговаривали.

Беседа о спасении коммунальных душ

— Так что ж, мой первичный друг, — говорил будто бы один философ, — какого же хрена мы тут торчим который час?

— Окститесь, коллега, — будто бы отвечал другой, — и будьте снисходительны к течению времени. Часом больше, часом меньше — какая на хрен разница?

— Позвольте, мой неотягощенный раздумьями друг, — говорил первый, — но слова ваши несут в себе полнейшую шизоидность! То есть вы хотите сказать, что час моего времени — это шпик, несущественная субстанция? А как же те трактаты, что горами лежат на моем рабочем столе, ожидая своего, то есть в данном случае именно моего часа? Ведь там полно неразрешимых завязок, там пельные теории, которые прокиснут, если мои мозги не приложатся к ним!

— Да бросьте шебаршиться, коллега, — говорил второй. — Плевать нам на теории, как и теориям на вас. И на мозги вам наплевать. А не плевать вам на другое место: вы побыстрее

хотите осуществить все платежи, ибо стремитесь к Маньке,

что недавно охмурились! У ней, поди, тельно под одеялом пылится?

— Не для того мы тут прозябаем, чтобы о низменном болтать. Скажите лучше мне, доколе для коммунальных платежей мы собираемся будем тесным стадом, сопеть друг другу прямо в поздри, толкаясь, зыркать, фыркать гнивно? Ужели это двадцать первый век? Как сильно инквизицией воняет! А как же в космосе ракеты? Мы для того о них запускали, чтоб средние века организацией труда напоминать? Ну? Ась? Вешайте, коли в силах!

— Да че вещать-то? Ясный перегиб, за быдло почитают нас. Но не со зла, мой друг, поверьте. Ведь диалектика движенья предполагает

На букву Ж

Вторая серия бытового магнитогорского сериала

тормоза или, сказать точнее, на сленге — предпологаает тормозов. А ну как мы без тормозов помчались бы навстречу солнцу? Ведь мощь прогресса шас такая, что если б нас не тормозить, то мы бы наглопались ветра и захлебнулись на скаку! А чтоб такого не случилось, чтоб мы спокойно копошились в пыли беспешного топтанья, вот и нужны нам проволоочки, заминки, тупость бюрократов, а то б мы все стремились в высь. А кто б помои выносил?

— Ну это, брат, уж вы хватили! По вашей судорожной речи выходит, мы одни — прогресс. А те, что скрылись за окошки, те, что квитанции штампуют, что нам законы вниз бросают, — те тормозят наш резвый бег? Но ведь без них куда бежать-то, вот вы хоть знаете, балда? Ведь вы себе, я точно слышал, яйцо не можете сварить, когда жена вам не подскажет, во что и как его совать. А говорите о прогрессе! Мое вам

«фи», и все слова!
— Вот это, сударь, зря ты вакнул! Да я тебе за это, гад...

Здесь, уважаемые читатели, надо сказать, варианты расходятся. Одни очевидцы утверждают, что философы тоненько взвизгнули и вцепились друг другу в волосы. Другие настаивают на том, что взвизгнул только один философ, причем довольно толстенько, в то именно время, как другой безо всякого звукового сопровождения вцепился. Третьи божатся, что, действительно, взвизгнул только один, но вцепились все-таки оба. А некоторые дотошные наблюдатели говорят, что философы вообще ни во что не вцеплялись, а вцепились обитатели очереди в плечо какой-то дамочки, которая хотела поставить себя выше других и, минуя суровую очередь, осуще-

ствить свои коммунальные намерения, и будто бы это именно она взвизгнула.

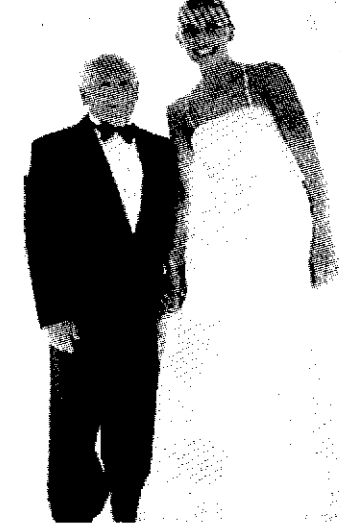
Это, честно говоря, кажется странным: с чего бы это ей взвизгивать, если диспут вели совсем другие люди? А с другой стороны, по трезвому да размеренному размышлению-то, почему бы ей и не взвизгнуть? А может быть, даже и не ей, а хоть кому из присутствовавших. В наших-то очередях хоть кто взвизгнуть может, да даже и не просто взвизгнуть, а

буквально зайти в благом визге на длительный период. И вряд ли кто понимающий осудит такого визжащего — в режиме азбуки Морзе, в частности, в ритме сигнала SOS — «спасите наши души».

Ну вы в курсе, не так ли? Такие уж тепдепции в этом месте, которое на букву Ж начинается, — визжать хочется.

Геннадий АМИНОВ.

У нас самый читающий между строк народ в мире.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Тысяча и один роман

бовные радости/гадости/утехи/печа-ли и т. д. и т. п.»

Принц и нищая

Он и Она случайно встречаются на прогулке в парке/лесу/дикой прерии/пустыне. Причем из-за слепой случайности у Него отваливается колесо кареты/машины/нога лошади.

Он: Это ты во всем виновата! Будешь жить в моем доме, пока не отработаешь свою вину!

Она: Я не могу, у меня болен отец!
Он: У меня нет домработницы! А отца можешь перевезти ко мне...

Отец: Эй, друзья, а меня кто-нибудь спросил?

Читатели: Заткнись! Твое мнение никого не интересует!

И вот Она домработница. Она должна мыть полы/чистить кастрюли/убирать конюшни/посадить сто розовых кустов. Она старательно работает: ей становится жарко. Она снимает свитер/пальто/жакет и остается в прозрачной блузке.

Он: Ух ты! Какие формы! И чего это я раньше не заметил?

Не отрывает глаз от домработницы, благодарит бога за темноту. Она устает, откладывает работу, украдкой оглядывает Его.

Она: А он симпатичный! О боги! Он похож на Уилла Смита!

Читатели: Ах, Смит!

Несколько вечеров проходят по вышеописанному сценарию. Он и Она периодически ведут «умные» беседы, при этом думая исключительно о сексе.

Читатели с ними солидарны. К концу второй недели они оказываются наконец в постели, потому что «они созданы друг для друга».

В плену

Горячий шотландский/эстонский/румынский разбойник приезжает на место встречи шайки и вдруг замечает плененную красотку.

Читатели: О, господи!

Они удивлены и напуганы, хотя, что можно ожидать от романа, который так и называется: «Пленница»/«Заложница»/«Украденная»/«Вот как-то так получилось».

Он: Я должен спасти ее! Но как же это сделать?

Ему в голову приходит блестящая идея, и он говорит атаману: не трогайте эту девушку! Она моя жена/подруга/любовница!

Атаман: Так как по моральным законам разбойников мы не трогаем наших жеп/подруг/любовниц, ты можешь забрать ее домой. Но я прослежу, действительно ли вы будете вместе!

Они возвращаются в деревню/горы/овраг: Она безмерно благодарна, автор мелет срунду о замечательном герое, который сумел спасти девушку.

Она: И что же нам теперь делать? Мы должны притвориться, что мы действительно вместе!

Он и Она изображают бурные романтические отношения, попутно влюбляясь друг в друга и побеждая злого атамана.

Герой

Он один из советников восточного шейха наблюдает за развлечениями своих коллег.

Главный Злодей: Смотрите, как я пасилую рабыню! Это так весело!

Он с отвращением морщится, как

и читатели, которые ненавидят Главного Злодея. Все остальные занимаются тем же, чем и злодей, кроме шейха, занятого обычным делом — то есть сидением на троне.

Шейх: Давненько я никого не сек плеткой... Кому же из моих верных слуг повезет сегодня? О, это будешь ты!

Он: Всегда рад услужить!

Шейх: 100 плетей!

Он бормочет что-то о добром шейхе и с трудом выползает из покоев.

Она: Сокращу-ка я дорогу до рынка! Пойду через дворец шейха, всего-то крюк в шесть кварталов!

Натыкается на мертвое тело... Ну ладно, почти мертвое. Ой, это же Он!

Самостоятельно выключивает Его, по ходу дела снимая с Него одежду.

Он: Мисс, почему я голый?!

Она: Я спасла вам жизнь!

Он чувствует себя обязанным. Она восхищена его потрясающим телом (обычно скрытым восточными халатами/черными халатами). Они начинают влюбляться друг в друга. Она решает, что он не такой плохой, каким кажется, раз жертвует собой. Он решает, что она не такая невыносимая, как кажется, раз умсет залечивать раны. Они приходят к выводу, что предназначены друг для друга.

Беременная

Она покидает родной город.

Мать: Не могу поверить, что Она беременна!

Отец: Только Она могла забыть про контраптивы!

Он вспоминает о своих отношениях с Ней.

Он: Интересно, кто отец ребенка?

Рассматривает различные варианты, хотя Она не спала ни с кем, кроме Него: Знаю, это ребенок того рыжего! Или того черного!

Ревнует, даже не подумав, что именно Он может оказаться отцом.

Через несколько лет Он встречает Ее с ребенком, копией его самого.

Он: Х-мм... И все-таки, кто отец?..

Она: Ты, идиот!

Его жизнь обретает смысл, он дни и ночи сюсюкает с дочерью, нарочь позабыв, что ненавидит детей. Они женятся, вместе растят ребенка, живут долго и счастливо и т. д.

Вынужденный брак

Из-за некоего странного условия (например, пророчества/наоедливо-го родственника/нелепого закона) или от безнадзорности (например, кому-то надо вступить в брак в течение недели, иначе он-она умрет/будет должен выйти замуж/жениться на ком-то совершенно ужасном). Она и Он помолвлены.

Она (рыдает): Я слышала молода! Я еще даже школу не окончила!

Читатели: И чего она ревет? Вот если бы мы выходили замуж за Него!

Он: Не нравится мне эта идея, но все же это лучше смерти... Надеюсь.

Священник: Дорогие... бла-бла-бла... мужем и женой!

Он: Брак надо закрепить! Люб-ная сцена.

Она: Ммм... Ммм... Ммммм...

Они решают, что вынужденный брак в сочетании с сексом не так уж плох. Спустя много времени даже влюбляются. И благодарят условие, которое заставило их быть вместе.

Ярослава ГЕМНАЯ.